

DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.3.04

УДК 141.8:17

ОБОСНОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ТРУДОВОЙ ЭТИКИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФИЛОСОФИИ ПОСТОПЕРАИЗМА И КОНЦЕПЦИИ «ПРОЕКТНОГО ГРАДА»

Я.В. Григорова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 16 августа 2021 г.
Принята: 21 сентября 2021 г.
Опубликована: 10 ноября 2021 г.

Ключевые слова:

постопераизм, постфордизм, нематериальный труд, биополитический труд, режимы вовлеченности, трудовая этика, проектный град, ценности, справедливость.

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка анализа формирования новой трудовой этики в современном обществе через призму постопераистской концепции и теории «проектного града». Демонстрируется, что труд претерпел существенные изменения по сравнению с трудом фордистского этапа, вследствие чего потребовалось новое обоснование справедливости и индивидуального блага, которое бы способствовало вовлечению в проектный труд. С опорой на концепцию постфордистского труда рассматривается появление новых способов обоснования вовлечения в труд. В статье раскрываются ключевые моменты постопераистской теории, которые посвящены трансформации труда. Показано, что в условиях постфордизма, с одной стороны, труд становится нематериальным, биополитическим, аффективным, с другой стороны, такие особенности способствуют формированию новых практик этического обоснования труда. Когда границы труда максимально размываются, возникает ситуация коммодификации почти любой активности человека. Демонстрируется, что организация «нематериального труда» или труда биополитического формируется как сеть. При этом именно проект становится той ценностной моделью, которая позволяет сформировать новую этику труда. Разрушение иерархических структур приводит к формированию сетевого способа организации труда. При таком способе организации труда возникает сложность в распределении материальных и символических благ по принципу справедливости. Тогда проектная работа накладывает определенную рамку, позволяющую восстановить процедуру справедливой оценки. Через концепцию «проектного града» Л. Болтански и Э. Кьяпелло осмысливается логика развития обоснования индивидуального блага для человека, включенного в наемный труд. Выявлено, что обоснование строится через повышение возможностей самореализации и расширения личной свободы. В статье показано, что опора на концепцию «проектного града» позволяет рассмотреть противоречия, связанные с формированием новых этических обоснований и ценностных структур. Когда аппарат аргументации работает с принципом справедливости и индивидуального блага, материальное благополучие перестает быть достаточным обоснованием для вовлечения в наемный труд, соответственно, «проектный град» предлагает возможность самореализации и развития собственного потенциала через практики самоконтроля. В завершение делается вывод, что описанные ценностные изменения свидетельствуют о возникновении новой этики труда.

© ПНИПУ

© Григорова Яна Викторовна – кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права ПНИПУ,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1179-8455>, e-mail: janasweet@mail.ru.

© Yana V. Grigороva – Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1179-8455>, e-mail: janasweet@mail.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

RATIONALE FOR THE FORMATION OF A NEW WORK ETHIC THROUGH THE PRISM OF POST-OPERAISM PHILOSOPHY AND THE CONCEPT OF A "PROJECTIVE CITY"

Yana V. Grigorova

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 16 August 2021
Accepted: 21 September 2021
Published: 10 November 2021

Keywords:

Post-Operaism, post-Fordism, immaterial labour, biopolitical labour, regimes of engagement, work ethic, projective city, values, justice.

ABSTRACT

The article attempts to analyze the formation of a new work ethic in modern society through the prism of the post-operaist concept and the theory of "projective city". It is demonstrated that labor has undergone significant changes in comparison with the labor of the Fordist stage, as a consequence of which a new justification of justice and individual good was required, which would promote involvement in project labor. Drawing on the concept of post-Fordist labor, the emergence of such a rationale is examined. The article reveals the key points of post-Fordist theory that deal with the transformation of labor conditions of post-Fordism. It is shown that, on the one hand, labor becomes immaterial, biopolitical, affective, on the other hand, such features contribute to the formation of new practices of ethical justification of labor. It is demonstrated that the organization of "immaterial labor" or biopolitical labor is formed as a network. At the same time, it is the project that becomes the value model that allows the formation of a new work ethic. Thus, the destruction of hierarchical structures leads to the formation of a network mode of labor organization, which does not allow an answer to the question of the fair distribution of material and symbolic goods. Then project work imposes a certain framework that allows us to restore the procedure of fair evaluation. Through the concept of "projective city" by L. Boltanski and E. Chiapello the logic of development of justification of individual benefits for a person included in hired labor is comprehended. It is revealed that justification is built through increasing the opportunities for self-realization and the expansion of personal freedom. The article shows that the reliance on the concept of "projective city" allows to consider the contradictions associated with the formation of new ethical justifications and value structures. When the apparatus of argumentation of labor involvement in the "projective city" works with the principle of justice and individual good, the worker is offered the opportunity for self-realization and development of his own potential through practices of self-control. The conclusion is that the value changes described above are indicative of the emergence of a new ethic of labor relations.

© PNRPU

Начиная со второй половины XX века в социальных науках наблюдается тенденция, связанная со значительной редукцией проблематики труда. Речь идет о том, что большинство современных теорий обходят проблематику труда стороной. При этом в самом труде произошли важнейшие изменения, которые характеризовались появлением целого ряда новых особенностей развития общественного производства. Труд переживает качественную «метаморфозу» [1, с. 14].

Дискуссия об особенностях современного типа труда, как правило, отталкивается от идеи технологических изменений. Технологии позволяют беспрецедентно усилить циркуляцию информации, создать принципиально новые способы организации труда. Термины, с помощью которых исследователи пытаются описать современное общество и новый тип труда, постоянно множатся. Нынешняя эпоха называется постиндустриальным обществом [2], информационным [3], цифровым [4], платформенным [5, с. 42] и т.д. Все эти наименования так или иначе акцентируют внимание в основном на изменениях, связанных с технико-технологической основой труда. Когда упор делается на технологические изменения, за границами теории, как правило, оказывается объяснение изменений, связанных с субъектами труда.

Более того, даже те авторы, которые говорят о появлении новых субъектов труда, в основном предлагают только описание новой ценностной системы. Например, Р. Флорида отмечает, что современные работники привержены ценностям самовыражения, развития собственного таланта, толерантности в выражении инаковости, принятия многообразия [6, с. 84]. Основным стимулом к труду становится особый образ жизни, который позволяет раскрыть

внутренний потенциал, почувствовать свою ценность для других людей и мира в целом. Здесь особое значение приобретает содержание работы, возможность влиять на ее организацию и способность к постоянному развитию профессионализма.

Схожую позицию занимает Р. Инглхарт. Длительное исследование трансформации ценностных установок показало, что приоритет материалистических ценностей, связанных с выживанием людей, сдвигается в сторону ценностей самовыражения и качества жизни [7, с. 57]. Характерно, что нематериальные аспекты, отмечает Р. Инглхарт, все больше влияют на трудовую мотивацию: «Свобода выбора и эмансипация стали лейтмотивом во всех сферах жизни» [7, с. 78].

Впрочем, описание новых ценностных установок еще не является достаточным поводом, чтобы говорить о появлении новой трудовой этики. Одним словом, трансформация ценностного измерения в этих подходах скорее констатируется, однако сам процесс изменения этих ценностных установок остается, как правило, непроявленным.

Таким образом, при анализе современного труда речь нужно вести не только о технико-технологических изменениях, которые и так видны невооруженным взглядом, но об изменениях ценностей современного работника, но о значительной трансформации форм нормативности современного труда, которые вытекают из нового типа трудовых отношений.

Констатация изменений ценностной системы при сравнении с ценностями, характерными для индустриального типа труда, многими исследователями была обозначена известным тезисом о «смерти труда». Однако прогнозы о «смерти труда» не оправдались. Вместо этого на повестке дня встает вопрос о «новой трудовой этике».

Многие исследователи говорят о том, что труд сам по себе является репрессивным элементом общественной системы. Например, А. Горц считал, что освобождать нужно не труд, а человека от труда [8]. Упреки высказываются и в адрес трудовой этики, так как она воплощает связь вознаграждения и страдания. Н. Срничек отмечает, что «наше сознание заражено трудовой этикой» [9, с. 179]. Сотериологический взгляд на труд, по мнению Н. Срничека, должен быть опрокинут полным отказом от работы. «Сведение на нет трудовой этики» [9, с. 184] представляется путем в царство свободы. Впрочем, критика труда явление не новое [10, с.109]. На наш взгляд, отрицание труда представляется малообещающей стратегией для критических теорий. Авторы, ориентированные на анализ современного труда, сейчас скорее видят не исчезновение труда, а появление новой формы угнетения, при которой эксплуатации подвергается не только рабочая сила человека, но и сама жизнь целиком [11, 12].

Описание новой трудовой этики затруднено из-за отсутствия ясной методологии. Начать необходимо с анализа изменений, произошедших в самом труде, попытаться построить обоснования того, что эти изменения являются не «маргинальной модификацией», а глубокой трансформацией капитализма [13, с. 283]. В противном случае говорить о появлении новой трудовой этики преждевременно. Распространение креативного труда, удаленной работы, сетевой организации – все это вместе образует новые ценностные системы, которые определяют трудовую этику. Таким образом, основная проблема состоит в том, каким образом анализировать новую трудовую этику, из каких теоретических предпосылок исходить. И здесь, если говорить об этической концепции, важно учитывать принцип справедливости в распределении свободы, как общего блага. При этом необходимо определить, между кем и кем распределяется это благо, для кого оно является общим. Важно отметить, формируется ли новый режим обоснования справедливости, связанный с современным этапом, который непосредственным образом влияет на саму этику труда.

Как показал еще М. Вебер, при классическом капитализме появилась особая система этического отношения к труду как к призванию [14]. Тем не менее кризис трудового общества

привел к упадку такого подхода к труду. По мнению американского социолога Р. Сеннета, в современном мире работник испытывает как «отчуждение» от работы, так и принудительную связь с ней вследствие распространения нового, гибкого типа капитализма [15, с. 100]. Схожую мысль высказывали и такие социологи, как Урри и С. Лэш, которые отмечали, что современное общество вступило в стадию «дезорганизованного капитализма» [16].

Однако все указанные концепции не вскрывают сам процесс формирования новых ценностных установок. В этом смысле особый интерес представляют такие подходы, которые исходят из ключевых особенностей развития современного труда.

Для анализа проблемы требуется выработать особый язык описания современного труда. Здесь, на наш взгляд, важное значение имеют два подхода: постопераизм и прагматическая социология Л. Болтански и Э. Кьяпелло.

Первый подход, который представляет особый интерес, – философия постопераизма. Постопераистский способ описания трансформации труда основывается на противопоставлении фордизма и постфордизму. Этот подход развивает итальянская неомарксистская теория, которая за последние годы стала весьма востребована в академической среде. А. Негри, М. Хардт, П. Вирно, М. Лаззарато, Б. Берарди – наиболее известные авторы постопераистского подхода. Исследователи предлагают всесторонний анализ современного общества, в первую очередь социально-экономический.

Второй подход, который представляется нам достаточно продуктивным, это прагматическая социология Л. Болтански и Э. Кьяпелло. Авторы концентрируются на механизмах изменения современной трудовой системы ценностей. В работе «Новый дух капитализма» показано появление новой ценностной системы, способствующей включению работников в наемный труд. Исследователи отмечают, что для изменения ценностного отношения к труду необходимо формирование нового обоснования вовлеченности работника в наемный труд в модусах индивидуального и общего блага [13, с. 203].

Например, тот тип общества, который постопераисты описывают через понятие фордизм, Л. Болтански и Э. Кьяпелло обозначают понятием «промышленный град» [13, с. 111]. Современный же этап в терминологии постопераистов называется постфордизмом, а у Л. Болтански и Э. Кьяпелло – «проектный град» [13, с. 197]. С точки зрения социологов на каждом этапе развития капитализма происходит формирование новой аргументации справедливости в процедуре оценки труда. Авторы попытались найти общий ценностный знаменатель для появления новой нормативности труда.

Обратимся для начала к философии постопераизма и проследим способ описания современного типа труда. Стоит сразу оговориться, что мы сконцентрируемся только на основных положениях этой концепции, которые касаются современного труда, для того чтобы показать, из каких оснований формируется новые ценностные системы труда. В этом смысле мы будем исходить из тезиса, что начинать анализ необходимо с объективных условий, на базе которых уже выстраивается ценностная система. Трактовать такую объективность можно в русле марксистского подхода.

Итак, постопераизм разделяет стадии развития капитализма в XX веке, показывая, как меняется труд. Авторы проводят границу между конвейерным типом организации труда, который являлся гегемоном до 70-х годов XX века, и новым типом труда, который в рамках этой концепции получил название нематериальный труд (биополитический). Проинтерпретировав идею А. Грамши о связи конвейерного производства с появлением новой общественной системы в рамках капиталистического способа производства, которая получила название фор-

дизм, постопераисты обозначили «конец фордизма». Дело в том, что с 70-х годов XX века происходила гибкая перестройка производства, потребовавшая пересмотра организации труда. Иерархические организованные производственные структуры, характеризующие фордистский этап, стали уступать место гибким. Вот что П. Вирно пишет о современности: «Сегодня кажется, что общественное время сорвалось с петель, потому что нет больше ничего, что отличает труд от остальных видов человеческой деятельности» – фраза из известной работы «Грамматика множества» [11, с. 131].

С позиции М. Хардта и А. Негри эти изменения были обусловлены появлением биополитического труда [12, с. 140]. Как отмечает П. Вирно, «биополитика – там, где выходит на первый план в непосредственном опыте то, что относится к потенциальному измерению человеческого существования: не само сказанное слово, но способность говорить как таковая, не завершённый в реальности труд, но общая способность производить» [11, с. 103]. Иными словами, труд производит уже не продукт, а общественные отношения.

В постопераизме машинный труд больше не описывается как ведущий тип труда, соответствующий капиталистическому обществу. Вместо этого на первый план выходит нематериальное производство, которое становится «гегемоном». Под термином «гегемон» подразумевается доминирующий в качественном отношении тип труда свойственный каждой эпохе. Например, промышленный труд в XIX веке в количественном отношении не был доминирующим, но тем не менее определял общественную организацию. То же по мнению постопераистов происходит и с нематериальным трудом. Вместе с тем нематериальный труд не просто захватывает сферы труда, но перестраивает любой другой тип труда в соответствии со своей формой. Эта форма заключается в превалировании информационных технологий, которые требуют выполнения коммуникативных задач. Такой труд задействует не только интеллект и физическую сферу человека, но и его аффекты [12, с. 139]. И вот такое состояние труда действительно представляется новым. Дело в том, что при фордистском способе организации производства эмоциональность, аффективность относилась не к рабочей, а к личной сфере. Теперь же эмоциональная реакция становится важнейшей составляющей современной работы, что особенно заметно в сфере услуг, в индустрии развлечений, в культурной индустрии. Кроме того, аффективная составляющая проявляется в определенном требовании к работнику, который не просто должен выполнять определенные операции, но испытывать психологические состояния, такие как энтузиазм, вовлеченность, радость, непринужденность. Именно в раскрепощении аффективной сферы виделось освобождение от фордистского труда, который не давал проявлять индивидуальную свободу и творчество.

При этом не стоит считать, что, включив в производственные процессы эмоциональную сферу, нематериальный труд принес полное освобождение. Напротив, он пронизан многими социальными антагонизмами, которые обусловлены тем, что все общественные границы предельно размываются.

Каким же образом изменилось ценностное отношение к труду при постфордизме? Каким образом удалось объединить ценности освобождения труда с миром капиталистического накопления? В постопераистском дискурсе эти вопросы четко не проговариваются. Попробуем рассмотреть эти вопросы с позиции социологического подхода Л. Болтански и Э. Кьяпелло, который позволяет пролить дополнительный свет на сам процесс формирования нового ценностного отношения к труду.

Понятие «проектный град» в сцепке с постфордистским подходом позволяет выявить ценностнообразующие элементы современного типа труда. Однако описание этих элементов

все равно остается не полным, что связано, как нам кажется, не с ограниченностью теории, а с незавершенностью самого процесса. В этом смысле важно отметить, что в произведении «Новый дух капитализма» Л. Болтански и Э. Кьяпелло не только стремятся показать, как формируются новые ценности, но и вскрыть сам механизм морального обоснования системы, которая по законам своего существования не может быть справедливой. Как отмечают исследователи, «во многих отношениях капитализм является абсурдной системой» [13, с. 40]. Наемные работники при любых условиях находятся в ситуации отчуждения от результата своего труда, капиталисты же вовлекаются в «не знающий насыщения процесс совершенно абстрактный и оторванный от нужд потребления» [13, с. 40]. Соответственно, для того чтобы вовлекаться в эту систему, «нужны прочные моральные основания» [12, с. 40], которые из самого капитализма не выводимы. Иными словами, капиталистическая система должна обосновываться как наилучший из возможных способов организации общества. Авторы вслед за М. Вебером используют концепт духа капитализма, понимая под ним всю «совокупность связанных с капиталистическим строем верований, которые способствуют оправданию этого строя и поддерживают – через их легитимацию – соответствующие ему способы действия и позиции» [13, с. 46]. При этом для жизнеспособности капитализма необходимо, чтобы он находил компромисс между стремлением к справедливому устройству и стремлением к возрастанию капитала. Этот компромисс и является фундаментом формирования ценностной системы, которая наполняет смыслом вовлечение в капиталистическую систему накопления. Идеологическое обоснование капитализма использует риторику общего блага, возрастания свободы и самореализации. Эти ценности оправдывают включение в мир капитализма. Особенно такое оправдание необходимо для наемных работников. Так как материальное благополучие уже не является достаточным стимулом для вовлечения в наемный труд, «самое большое, что может сделать заработная плата, – это заставить человека оставаться на работе, но она не может заставить его уйти в нее с головой» [13, с. 41].

Каким образом изменился способ обоснования капитализма? Л. Болтански и Э. Кьяпелло видят, что новое обоснование воспроизводит аргументацию критических подходов: критику эксплуатации труда и «ощущение конца» капитализма. То есть то, что должно было служить оружием против капитализма, стало служить его обоснованию. Иными словами, практики аргументации «начинают работать на те силы, к уничтожению которых они изначально призывали» [13, с. 191]. Так, логика разрушения бюрократии, рациональности, исчислимости всех показателей меняется в сторону творчества, эмоциональности, интуитивности. Л. Болтански и Э. Кьяпелло замечают, что эти тенденции «интерпретируются как попытка повернуть мир труда в сторону “большей человечности”» [13, с. 192]. Кроме того, критика индустриального общества была направлена на разоблачение неподлинности буржуазного мира [13, с. 92], что также способствовало появлению нового обоснования капитализма.

Таким образом, с позиции Л. Болтански и Э. Кьяпелло, для того чтобы работники продолжали продавать свою рабочую силу в условиях нового этапа развития капитализма, система организации труда должна пытаться удовлетворить две особые потребности работника, а именно потребность в подлинности существования и потребность в свободе. Эти потребности связаны с личным мотивом, который делает труд привлекательным и дает возможность для самореализации. В этом смысле уже не сам труд имеет личное значение, а деятельность как таковая. Поэтому в качестве способа описания труда и его управления вырабатывается новый язык как описания труда, так и критики способа организации труда предыдущего типа. Упор делается на следующей риторике: антиавторитарность, достижение гибкости, спонтанность,

мобильность, ризоматичность, полифункциональность [13, с. 190]. Тотальная рационализация была поставлена под подозрение.

Несмотря на то, что личный мотив играет большую роль в вовлеченности в труд, его явно недостаточно, чтобы найти ценностное обоснование. Проблема в том, что труд должен быть описан через понятие справедливости, то есть в терминах общего блага [13, с. 42]. Согласно Л. Болтански и Э. Кьяпелло, в данный момент мы являемся свидетелями возникновение нового обыденного смысла справедливости. В итоге степень справедливости измеряется в определении «величины каждого в зависимости от вносимого вклада». Иными словами, для определения справедливости требуется сложившаяся ценностная система, исходя из которой можно обосновывать вовлеченность в трудовые отношения, выносить суждения по поводу распределения позиций, легитимности властных отношений, вырабатывать систему исключения за нарушение границ адекватного поведения и вознаграждения за адекватное. Однако в условиях сетевой организации принцип справедливости пробуксовывает, так как сеть не позволяет формировать соответствующий инструментарий, который бы устанавливал единицу измерения эквивалентности вклада людей в трудовой процесс. Без такой единицы невозможно «соизмерить притязания индивидов на доступ к материальным или символическим благам с их индивидуальными ценностными величинами» [13, с. 203]. Но, как бы то ни было, сеть должна быть ограничена определенными рамками для соблюдения принципа справедливости. Таким ограничителем становится проект. Проектная работа становится определенным пространством, в котором формируются необходимые связи для получения последующих рабочих задач: «он является своего рода временным накопительным резервуаром» [13, с. 200]. Максимальной возможной коллективной единицей становится команда, когда вклад каждого отдельного участника проекта можно проверить. При завершении проекта и выносятся суждение о «величине» вклада каждого работника, его значимости, что обосновывает вознаграждение исходя из принципа справедливости.

Следующий момент, задействованный в оправдании вовлечения в труд, – это обращение к индивидуальному благу и расширению свобод работника. Расширение свободы связано с повышением способности человека с большей готовностью и легкостью валоризировать свою активность [13, с. 282]. Здесь важно отметить, что при фордизме важным являлось отделение личности от рабочей силы. Как отмечает Л. Болтански и Э. Кьяпелло, это было связано с необходимостью разделения профессиональной и домашней сферы, что способствовало формированию и развитию капитализма. В условиях современного труда, напротив, рабочая сила не отделяется от личности самого работника. Так, труд становится проектным и требует соответствующего своей форме способа этического обоснования через принципы самореализации. Однако в контексте общего блага «самореализация имеет смысл лишь как свершение чего-либо» [13, с. 722]. Самореализация не обладает самостоятельным существованием, но только в рамках ценностей коллектива, то есть работник реализуется в чем-то, что имеет смысл как общее благо. Превращение самореализации в товарную стоимость требует постоянного обоснования через концепцию освобождения от любых ограничений.

Суммируя сказанное, отметим, что существует два способа морального обоснования современного труда. Первый способ основывается на общем благе. Второй – на индивидуальном благе. При этом эти способы наталкиваются на особенности «проектного града». Поскольку такой тип организации требует качественно иного уровня вовлечения сотрудника в создание продукта, то вопрос морального обоснования волнует не только тех, кто таким трудом пытается управлять, но и тех, кто в труд вовлекается. Во-первых, установка на самореа-

лизацию связана со сложностью установления контроля над работником. В такой ситуации защищенность фирмы может быть обеспечена не иначе как через особую форму самоконтроля, которая перекалывается на работников. Такой самоконтроль предполагает соблюдение определенных правил, которые усваиваются за пределами мира труда. Во-вторых, поскольку для субъекта вопрос о смысле его работы является ключевым, перед работниками всегда стоит самостоятельный этический выбор. Там, где работник берет на себя ответственность, этическое отношение влечет за собой определенную жертву. Когда обязательства не соблюдены, этическая позиция может привести к чувству вины. В такой ситуации, когда на кону стоит этический смысл работы, в процесс труда включены все личностные способности, работнику сложно отстаивать материальные интересы, задаваться вопросом: «сколько стоит моя рабочая сила?». Можно отметить, что как для менеджеров, так и для работников вопросы морального обоснования труда пронизаны противоречиями.

Таким образом, можно сказать, что следствием изменения труда является формирование новой трудовой этики через переосмысление принципа справедливости и расширения индивидуальной свободы наемного работника. Такая индивидуальная свобода заключается в возможности самореализации, выбора тех или иных задач, в частичной отмене внешнего контроля. С позиций же справедливости работник воспринимает свой продукт не как отчужденный от себя, а как воплощение его креативных сил, как тот момент, где он может проявить себя целиком, не отказываясь от своей эмоциональной сферы, не разделяя свою жизнь на части. Тем не менее эти новые принципы обоснования достаточно жестко удерживают его в рамках целей, которые ставит перед собой капиталистическая организация, а именно извлечении прибавочной стоимости из активности работника. Исходя из этого новая трудовая этика обосновывает вовлечение всей жизни работника в капиталистическое накопление.

Список литературы

1. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. – СПб.: Алетейя, 2011. – 574 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 607 с.
4. Пасквинелли М. Цифровой неофеодализм: кризис сетевой политики и новая топология ренты [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2012. № 85. – URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/12/article/161> (дата обращения: 15.08.2021).
5. Срничек Н. Капитализм платформ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 128 с.
6. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2005. – 422 с.
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М., 2011. – 464 с.
8. Горц А. Нематериальное: знание, стоимость, капитал. – М., 2010. – 208 с.
9. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. – М.: StrelkaPress, 2019. – 336 с.
10. Шулико Г.А. Упразднение работы как философская проблема: к истории вопроса в XX веке // Философская школа. – 2019. – № 7. – С. 108–113. DOI: 10.2441/2541-7673-2019-10710

11. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 170 с.
12. Хардт М., Негри А. Множество. Война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная революция, 2006. – 599 с.
13. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. – М.: НЛЮ, 2011. – 976 с.
14. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
15. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. – 2008. – № 3. – С. 95–107.
16. Lash S., Urry J. The End of Organized Capitalism. – Wisconsin: Wisconsin University Press, 1987. – 392 p.

References

1. Castel R. Metamorfozy sotsial'nogo voprosa. Khronika naemnogo truda [Metamorphoses of the social question. Chronicle of wage labor]. Saint Petersburg, Aleteiia, 2011, 574 p.
2. Bell D. Griadushchee postindustrial'noe obshchestvo: Opyt sotsial'nogo prognozirovaniia [The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.
3. Castells M. Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The information age economy, society, and culture]. Moscow, Gosudarstvennyi universitet Vysshiaia shkola ekonomiki, 2000, 607 p.
4. Pasquinelli M. Tsifrovoy neofeodalizm: krizis setevoi politiki i novaia topologiiia renty [Digital neofeudalism. Crisis of network politics and the new topology of rent], available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/12/article/161> (accessed 15 August 2021).
5. Srnicek N. Kapitalizm platform [Platform capitalism]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019, 128 p.
6. Florida R. Kreativnyi klass: liudi, kotorye meniaut budushchee [Creative class: people who change the future]. Moscow, Klassika-XXI, 2005, 422 p.
7. Inglehart R., Welzel K. Modernizatsiia, kul'turnye izmeneniia i demokratiia: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiia [Modernization, cultural change, and democracy. ... Cultural change, and democracy. The human development sequence]. Moscow, 2011, 464 p.
8. Gorz A. Nematerial'noe: znanie, stoimost', kapital [Nonmaterial. Intangible. Knowledge, value and capital]. Moscow, Gosudarstvennyi universitet Vysshiaia shkola ekonomiki, 2010, 208 p.
9. Srnicek N., Williams A. Izobretaia budushchee: postkapitalizm i mir bez truda [Inventing the Future: Post-Capitalism and a World Without Labor]. Moscow, Strelka Press, 2019, 336 p.
10. Shuliko G.A. Uprazhdenie raboty kak filosofskaia problema: k istorii voprosa v XX veke [Abolition of work as a philosophical problem: on the history of the issue in the XX century]. *Filosofskaia Shkola*, 2019, no. 7, pp. 108-113. DOI 10.2441/2541-7673-2019-10710
11. Virno P. Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoi zhizni [Grammar of the set: to the analysis of the forms of modern life]. Moscow, Ad Marginem, 2013, 170 p.
12. Hardt M., Negri A. Mnozhestvo. Voina i demokratiia v epokhu imperii [War and democracy in the age of the empire]. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia, 2006, 599 p.
13. Boltanski L., Kyapello E. Novyi dukh kapitalizma [The new spirit of capitalism]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2011, 976 p.
14. Weber M. Protestantskaia etika i dukh kapitalizma [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. *Izbrannye proizvedeniia*. Moscow, Progress, 1990, 808 p.
15. Sennett R. Kapitalizm v bol'shom gorode: globalizatsiia, gibkost' i bezrazlichie [Capitalism in a big city: globalization, flexibility and indifference]. *Logos*, 2008, no. 3, pp. 95–107.
16. Lash S., Urry J. The End of Organized Capitalism. Wisconsin, Wisconsin University Press, 1987, 392 p.